

В МЕТРО

Мария Фресина

Вернуться в опустевшую, разгромленную квартиру не было сил, и Давид поехал на другой конец Москвы к своим старикам.

– У них и заночую, – решил он, – мать будет рада, а уж об отце и говорить нечего. – С отцом Давид был особенно дружен.

Только что он проводил своих самых дорогих на свете людей в далёкий путь. Когда сын на прощание обнял его, выражение лица у него было решительное и вместе с тем виноватое. Понимает, поганец, что натворил. – Скоро увидимся, – сказал он, словно уезжал ненадолго в отпуск или командировку, – мы будем тебя ждать, мы тебя встретим... – Сказал и смутился. Было от чего!

Потом Давид простился с Любой. Бедная Люба, растерзанная, разорванная пополам двумя любимыми мужчинами! Она изо всех сил старалась сохранить спокойствие, но не выдержала, спрятала лицо, залитое слезами, на груди Давида и замерла, вся ослабев в его сильных руках. Плачущая Люба! Давид задумался. Он не мог вспомнить, видел ли он когда-нибудь Любу плачущей. Может быть, и видел, но вспомнить не мог.

С чего всё началось?

Скорее всего, когда Витька пошёл в школу... Товарищи слегка поддразнивали его, называли Шлёмой, но всё это было необидно и даже весело. Витьку любили – учился хорошо, но не важничал, уважали – спортсмен, разрядник, футболист, лыжник. Ценили его отзывчивость, готовность помочь. Если бы не этот гнусный химик! Все годы он методически снижал Витьке оценки, а на выпускном экзамене поставил ему тройку. Даже учителя возмутились, но химик упёрся и сделать ничего не удалось. Тройка эта лишала его медали, что и было задачей химика.

На экзамене в институте Витька попал к старому профессору, о жестокости которого в институте ходили легенды. Фамилия профессора была Рушло, и о нём говорили: "Рушло пришло, засыпало и ушло". И это седоусое страшилище Витьке, единственному из группы, поставил пятёрку! Пятёрку по химии!

Да, мальчик хорошо знал химию. Сунуть бы эту пятёрку в нос его обидчику, школьному химику!

Унизительно всё получилось после школы. Хотел в университет – не приняли. Поступил на химический факультет пединститута. Если б не Люба, мог бы и туда не попасть. Её энергия, её дружба, её обаяние сделали почти невозможное. Да, это была героическая эпопея. И ведь в сущности добивалась Люба только одного – справедливости. Чтобы намеренно не проваливали на экзаменах. Если бы Витька не попал в институт, его сразу же забрали бы в армию. Этого и Люба, и Давид боялись больше всего. Наверно, и в армии по-разному, но Люба наслушалась рассказов о еврейских парнях, которых травили и избивали свои же товарищи, о пьяных сражениях, унизительных работах для строптивых... И уж Витька сразу же попал бы в беду. Совсем не умеет смиряться с несправедливостью, приспособливаться.

Как давно это назревало? После обидной, незаслуженной тройки по химии? Мальчик где-то достал шестиконечную звезду, выпросил у матери цепочку и надел это украшение на шею. Стал интересоваться еврейскими праздниками, несколько раз пришёл поздно и объяснил, что "гулял" у синагоги. Один? Нет, не один. С товарищами и девочками.

– Почему меня назвали Виктором, а не Исааком, не Моисеем? У вас совсем нет национальной гордости, – полушутя, полусерьёзно упрекал он родителей.

Давид вспомнил, как они с Любой смеялись, когда знакомая девочка Галя позвонила и попросила передать Вите, что звонила Голда. Люба не поняла, и Галя объяснила, что переменяла имя. "Неофициально, к сожалению, но теперь меня зовут Голда. Я ведь еврейская девушка".

Люба и Давид выросли атеистами. Им прямо-таки было непонятно, откуда у сына возник такой интерес к религии, к истории евреев. Бога, конечно, нет, а нации все одинаковы. Мальчик чудит от обид, от временных неприятностей. Тревожно за него, но повзрослеет – улягутся его непримиримость, его воинственность. Способный, толковый, он найдёт своё место в жизни. Ничего не улеглось.

Как он был хорош сегодня в аэропорту, сын! Весь в мать, смуглый, темноволосый, крепко

сбитый, весь – юность и порыв. И светлые глаза, отцовские. Только и взял от отца, что светлые – голубые? Синие? Красивые глаза на смуглом лице. Не одна девушка там засмотрится.

Сам Давид мало походил на еврея. Светлые волосы, в которых незаметна была седина, пшеничные усы, вздёрнутый нос – совсем не еврейский нос. Сколько Давид ни углублялся в свою родословную – и родители, и деда, и прадеды были чистокровные евреи. Существовала, правда, прабабка-француженка, которая полюбила молодого еврея – агента по продаже зерна. Она перешла в еврейство и вышла за него замуж. Но это было давным-давно, и никто не знал, какие были у неё глаза. От этой прабабки не осталось ничего. Даже имя её было позабыто.

Когда мальчик объявил, что подаёт заявление и уезжает, это был гром с ясного неба. – Тебя не выпустят, – сказал Давид. – Выпустят, – уверенно ответил Витька. – Мне двадцать лет, я уже ушёл из института. Мне пришлют вызов. Я договорился.

-Как ушёл из института, совсем? – простонала Люба, – после всего, что мы пережили с твоим поступлением!?

Ответ был ошеломляющим: – Меня уже вызывали в деканат и предупреждали, что если ещё раз увидят у синагоги – отчислят. Вот и всё.

-Кто пришлёт вызов?

-Жена. Она уже уехала.

Бороться было бесполезно.

-Уедем все, – сказал Витька. – Я попрошу вызов на всех...

Он знал, что отец ехать не может. Сказал так, на всякий случай.

Дело было в "секретности" работы Давида. Никакой сколько-нибудь серьёзной государственной тайны рядовой инженер Давид не мог знать и выдавать ему было нечего. Но порядок был такой, что за границу он мог поехать только, кажется, через пять лет, после того как будет снята "секретность". Какие-то были на этот счёт утверждённые нормы.

Пять лет! И будут ли через пять лет выпускать? И будут ли живы к тому времени Люба, сын, он сам?

Растерявшейся Любе Давид сказал: – Делать нечего, придётся тебе поехать с ним, если это возможно. Пропадёт он один.

-Но у него там жена!

Оказалось, что никакой жены нет, брак фиктивный. И вообще никого нет, кроме незнакомых людей, устроивших этот "брак", чтобы имел основание вызов...

И опять Давид сказал Любе:

-Поезжай с ним, иначе мы его потеряем.

Осевшим голосом Люба спросила:

-А ты?

Что можно было ответить? Он сказал:

-Пока мы живы, есть надежда. Если он там приживётся, может быть, ты сможешь вернуться? Может быть, смягчатся правила и я приеду?

Оба понимали, что скорее всего это расставание навсегда, но сердцу человека свойственно надеяться.

Дальше всё пошло суматошно как в дурном сне. Люба спешно развелась с Давидом. Несмотря на это, на работе Давида понизили в должности и перевели в другой отдел. Теперь работа у него будет совершенно неинтересная, но, слава богу, никакой секретности.

Неприятно было поведение сослуживцев, прежде таких сердечных, дружелюбных. О начальстве и говорить нечего. В другое время самолюбивый Давид страдал бы. Но теперь что всё это значило по сравнению с его горем, с крушением всей его жизни!

Правильно ли, что он отпустил Любу? Удастся ли ей уберечь Витьку? Там ведь всё время война с арабами, жестокая война восточных фанатиков. Витька молод, здоров, спортивен, его непременно возьмут в армию, да он и сам будет стремиться... Ах, если бы здесь было другому – незачем было бы уезжать. Такая огромная, красивая, богатая страна! Всегда в Россию ехали за счастьем немцы, французы, итальянцы, англичане! Оседали здесь, работали. Люба! Теперь ей тридцать семь, и она ещё молода и очень хороша. А вдруг она там встретит кого-нибудь? Может быть...

Давид громко застонал и в испуге огляделся – не слышал ли кто. Но в этот момент автобус подъезжал к остановке. Последняя остановка. Все поднялись и заспешили к выходу.

Давид перешёл дорогу и спустился в метро. Несмотря на дневное время, в вагоне было тесновато. "И откуда столько народу в рабочее время, – удивился Давид, – приезжие, что ли?"

Двое мужчин в рабочей одежде подвинулись, и Давид сел. Снова его обступили горестные мысли. Невозможно было поверить в случившееся. Один, один на годы. И ничего не изменить, не исправить.

Условились, что письма будут приходить на адрес стариков Давида. Им уже под восемьдесят, они ничего не боятся. Но что письма!

Хорошо, что Люба взяла с собой много вещей. Так ей посоветовали знающие люди. Она увезла мебель, почти все книги, одежду, постельное бельё... А вот пианино взять почему-то не разрешили. Как там Люба будет без пианино?! Удастся ли Витьке там учиться? Бросить

институт здесь было легче лёгкого, а вот там, в земле обетованной, получит ли он образование? Языка он не знает, специальности у него никакой нет. Люба тоже не знает ни слова на иврите. У неё-то есть специальность, но не зная языка...

Вагон мчался по тёмному тоннелю и мерно подрагивал. Сосед всхрапнул и положил голову на плечо Давида. В нос Давиду ударил запах спиртного. Приятель пьяного, тоже под хмельком, добродушно сказал:

-Устал он. И перебрали мы слегка после работы.

Давид шевельнулся. Пьяный открыл глаза:

-Извини, пожалуйста.

-Ладно.

Пьяный сделал усилие, выпрямился и стал рассматривать Давида.

-У меня к тебе вопрос.

-Давай, – равнодушно сказал Давид.

-Что будем делать с евреями?

Давид с удивлением посмотрел на пьяного:

-А что ты хочешь с ними делать?

-Убивать их надо, бить. Когда будем бить?

Ошеломлённый Давид смотрел в пьяные заплывшие глаза:

-А ты уже бил их?

-Случалось.

-А сдачи тебе никто не давал?

-Нет,- после некоторого раздумья сказал пьяный и опять положил голову на плечо Давида.

-Ну так получай! – Давид сбросил голову пьяного со своего плеча, встал и сильно ударил кулаком в красное опухшее лицо.

-Ты чего? – Пьяный вскочил и бросился на Давида. По лицу пьяного текла кровь. Давид снова занёс кулак, но военный, стоявший позади с газетой, перехватил его руку.

Люди в вагоне словно окаменели. Никто не двинулся. Товарищ пьяного тоже вскочил и с силой толкнул его назад на сидение.

-За что вы его? – спросил военный Давида.

-Хочет бить евреев, – громко объяснил Давид.

-Ну он же вдребезги, скотина. И как в метро пролез? Угомони его, – приказал он товарищу пьяного, брезгливо отворачиваясь и поднимая упавшую газету.

Тот послушался, сел рядом с пьяным, и Давид слышал, как он бубнил ему в ухо:

-Ну, чего разошёлся! Не время ещё бить их...

Погоди, настанет время, навоюешься. Сиди смирно! Не время ещё, дурак чёртов!

Тупое равнодушие овладело Давидом.

Вероятно, мальчик прав и Люба права.

Безрассудно было бы их удерживать...

Он расправил плечи. Может быть, удастся уехать к ним через год-другой. Как знать, что будет, как повернутся события. Но сейчас он устал, он хочет в родительский дом, к матери, к отцу, к родному теплу... Если ему доведётся уехать, он возьмёт своих стариков с собой.

Если придётся...

Открылась дверь вагона, он вышел, поднялся по эскалатору наверх и с наслаждением глотнул свежий воздух. Что-то прояснилось в его измученном сознании.

-Всё правильно, – подумал он, – всё правильно.

Всё идёт как надо. Пока.

А там видно будет.

